

«MASGUERADE ORGY»: THE RADICAL PRESS ABOUT THE CORONATION OF ALEXANDER III

Abstract. In order to be legitimate the authority should generate and maintain the belief that current political institutions are the most suitable for a present society. The choice by Alexander III of the scenario which was oriented on the pre-Petrine time predetermined further tragic fate of the Russian monarchy. Thereby, the special interest was given to the evaluation of the coronation of the Emperor in the radical press. The analysis of the publications in the newspapers «Obshhee delo» and «Vestnik Narodnoj voli» demonstrates the ambiguous position of the radical press to the monarchy institution, and indicates that the desecralization process of the monarchical authority in the second half of the 19th century in Russia was irreversible.

Keywords: coronation, monarchy, radical press, criticism of authorities, legitimacy of authorities, Alexander III, Russia

АБЫЛКАЛИКОВ Салават Иргалиевич – аспирант кафедры демографии, младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории социально-демографической политики Института демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; sabyalkalikov@yandex.ru)

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Аннотация: Стремительное увеличение численности населения в пореформенное время в преимущественно крестьянской стране с экстенсивным способом земледелия вызвало масштабный аграрный кризис в европейской части страны. Тремя основными миграционными потоками, снижавшими нарастающее демографическое давление, стали колонизация слабо освоенных земель на окраинах страны; отхожие промыслы, а также переселение в города, во многом начинающееся именно с отхожих промыслов.

Ключевые слова: колонизация, миграция населения, переселение, демографический переход

Колонизация, т.е. присоединение и заселение слабо освоенных и малонаселенных окраинных земель, всегда играла большую роль в истории России. В.О. Ключевский отметил, что «история России есть история страны, которая колонизируется». На протяжении многих столетий происходил процесс расширения территории Российского государства, затем переходивший в стадию ее освоения. При этом стоит отметить важную особенность отечественной колонизации: в XVIII–XIX вв. переселенческих контингентов не хватало для заселения довольно благоприятных для проживания и ведения крестьянского быта степей Новороссии и Дикого поля, для этого привлекались жители зарубежных стран – болгары, сербы, молдаване, гагаузы, армяне, греки, искавшие в России защиту от турецких притеснений. Также на эти территории и позднее, во второй половине XVIII в., – в Поволжье заселялись немцы. Всего спустя столетие наиболее заселяемыми стали территории Сибири и Дальнего Востока с куда более суровыми природными условиями, причем уже по причине исчерпания других, более близких к европейской части России свободных земель. Откуда же на рубеже XIX–XX вв. взялись эти многочисленные переселенческие контингенты, и почему их не было раньше? Все дело в значительных демографических сдвигах, происшедших в пореформенный период в России. Обратимся к теории демографического перехода.

Благодаря снижению смертности, особенно младенческой и детской, все большее число рождающихся детей доживают до возраста родителей, в результате чего каждое предшествующее поколение замещается последующим с большим численным превышением. При этом рост численности населения все более и более ускоряется. В большинстве случаев снижение рождаемости начинается спустя более или менее длительное время после снижения смертности – в процессе демографического перехода население проходит через период небывало быстрого роста. Численность

населения менее чем за столетие может вырасти в несколько раз. Такое резкое увеличение численности населения за довольно короткий период времени называется демографическим взрывом [Вишневский 1973].

Строительство железных дорог, законодательные изменения (облегчение выхода из крестьянской общины, различные виды льгот, масштабная аграрная реформа 1906–1907 гг.) ускоряли и усиливали процесс массовой колонизации Сибири и Дальнего Востока, но главная причина столь массовых переселений – демографическая, т.е. резкое увеличение численности населения (прежде всего, крестьянского) в европейской части России.

После проведения земских реформ (особенно введения земской медицины с 1864 г.) заметно снизилась смертность населения, что вызвало увеличение общих показателей роста численности населения. Даже небольшое повышение элементарной грамотности матерей привело к заметному снижению детской смертности. Данные демографические сдвиги обусловили крайне высокую динамику ежегодных показателей роста численности населения в Европейской России за 1863–1913 гг. Если в дореформенный период прирост численности составлял 6,5‰ в год (1851–1860 гг.), то в следующие десятилетия он вырос вдвое (до 13‰ в год), а к 1896–1900 гг. достиг значения более 17‰. Население России (без Польши и Финляндии) за период с 1863 по 1913 г. возросло на 122,2%; в частности, за довольно небольшой промежуток времени с 1897 по 1914 г. население страны увеличилось на 39%.

Вместе с увеличением численности населения возростала и его плотность. Число жителей, приходящееся на 1 кв. версту в 50 европейских губерниях с 1863 по 1897 гг. выросло с 14,3 до 22,1 (к 1914 г. – и вовсе до 28,8). При этом в Курской губернии плотность населения, имеющая и без того высокие значения, с 1863 по 1914 гг. увеличилась в 1,7 раза – с 46 до 79,8 чел. на кв. версту, в Рязанской губернии – почти в 2 раза (с 38,5 до 75,3 чел. на кв. версту), в Тульской – с 42,7 до 69,3 чел. на кв. версту¹. Если же рассматривать только сельское население, то на многих территориях Центральной России численность (и, соответственно, плотность) сельского населения в 1897 г. была выше, чем в середине и конце XX в. В 1860-х гг. в границах современной России проживали 41 млн сельских жителей, в 2010 г. – 37,6 млн. При этом максимальной численности сельское население достигло к 1926 г. (76,3 млн чел.), с тех пор оно постоянно уменьшалось в результате миграционной, а в последние годы – и естественной убыли.

Довольно высокая даже по современным меркам и все увеличивающаяся из-за естественного прироста плотность населения не могла не вызвать ухудшения положения крестьянских хозяйств. Возник одновременный дефицит земли и избыток рабочей силы. До 70,7% крестьянских семей оказались под угрозой «недостаточного удовлетворения продовольственных потребностей». В итоге средний надел на одну душу мужского пола всех разрядов крестьян снизился с 4,8 десятин в 1860 г. и 3,5 десятин в 1880 г. до 2,6 десятин в 1900 г.

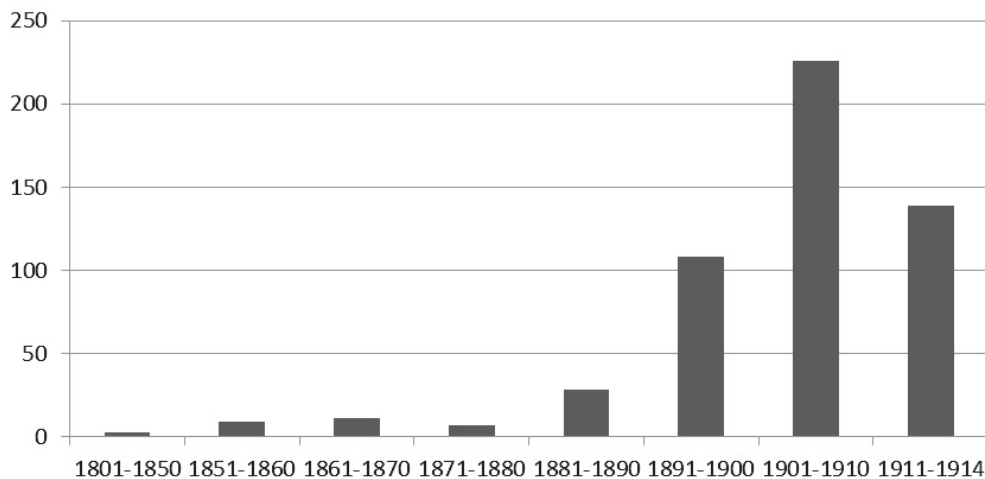
Конечно, по меркам европейских стран, плотность сельского населения была не так уж высока. Так, А.А. Кауфман отмечает: «С точки зрения французского, фламандского или баденского поселянина, ведущего интенсивное хозяйство, средне-русские губернии показались бы столь же богатыми землею, как изобилуют землею, на взгляд нашего переселенца, зауральская или сибирская губернии!» Однако одной из причин аграрного перенаселения была низкая урожайность. На одну десятину в России собирался урожай пшеницы в 28 пудов, во Франции – 70, в Германии – 77, Англии – 124, Дании – 179, США – 50 [Кауфман 1905].

Повышению урожайности и переходу к интенсивному земледелию препятствовали низкий уровень агротехнической культуры, отсталость сельскохозяйственной техники, общинное землевладение, вызывающее раздробленность и чересполосицу земельных участков [Тихонов 1978]. В начале 1890-х гг. избыточная численность сельского населения в 50 губерниях Европейской России достигла 23 млн чел. (или 52% работников обоего пола) и со временем лишь нарастала [Моисеенко 2008].

¹ Рашин А.Г. 1956. *Население России за 100 лет*. М.: Госстатиздат.

Переселение в азиатскую часть России

Одним из способов смягчения последствий аграрной перенаселенности при том, что переход от экстенсивного к интенсивному земледелию был затруднен, была миграция, особенно за Урал. За 1885–1901 гг. из 50 губерний Европейской России выселилось около 1,2 млн чел., в то время как естественный прирост сельского населения составил почти 20 млн чел. [Мануйлов 1905]. На рис. 1 приведены данные, свидетельствующие, что основная масса переселений пришлась на 1901–1914 гг.

Источник: [Anderson 1980].

Рисунок 1. Среднегодовая численность переселенцев в азиатскую часть России в 1801–1914 гг., тыс. чел.

В конце 1890-х гг. произошло завершение заселения районов с благоприятными для переселенцев условиями. Началось возрастание материальных затрат и рисков при переселении, увеличился поток возвращающихся назад – до 1/3. В это же время началось значительное превышение естественного прироста населения Европейской России по сравнению с масштабами переселения. А.А. Кауфман определяет переселение как «жалкий паллиатив», отвлекающий средства, и которое способно только «задержать нормальный и неизбежный ход хозяйственного и культурного развития страны и растянуть на более продолжающееся время совершающийся здесь кризис» [Кауфман 1905].

Так, естественный прирост населения Полтавской губернии за 1896–1900 гг. составил 289,6 тыс. чел., а число переселившихся – 80,0 тыс. чел., т.е. переселение составило 28% естественного прироста. В 1901–1910 гг. эти показатели достигли соответственно 544,9 тыс. чел. и 222,8 тыс. чел., т.е. 41%, в т.ч. в 1906–1910 гг. переселение поглотило 60% естественного прироста населения губернии. Общий прирост населения Харьковской губернии в 1898–1908 гг. составил 464 тыс. чел., выселились 89,6 тыс. чел., т.е. переселение достигло 1/5 прироста населения. В 1907 и 1908 гг. переселение составило соответственно 40 и 60% годового прироста населения этой губернии [Моисеенко 2008].

В качестве клапана, стравливающего все нарастающее демографическое давление, для жителей перенаселенных центральных районов служила возможность переселения на свободные или слабо заселенные южные и восточные окраины европейской части страны – в Новороссию, Астраханскую, Оренбургскую, Самарскую и Уфимскую губернии, а также на Северный Кавказ, куда и был направлен основной поток переселения в 1860–1880-е гг. Спустя время и по мере заселения свободных территорий в европейской части России основная часть переселенцев стала направляться в Сибирь, на Дальний Восток и в степную часть Средней Азии, прежде всего в Северный Казахстан. Переселению на Запад препятствовало то, что территории

там были также плотно заселены проживающими на них народами (Прибалтика, Польша), а украинцы совместно с русскими были основными участниками переселений, особенно на Дальний Восток. С 1896 по 1912 г. 42% переселившихся в Сибирь 4,5 млн жителей европейской части империи составляли выходцы из губерний современной Украины [Anderson 1980; Вишневский 2010]. Переселению на Юг препятствовал засушливый климат, предполагающий совершенно другие способы ведения сельского хозяйства и выращивание других культур, нежели в более холодной Сибири.

В земледельческих переселениях участвовали миллионы крестьян, что сильно ослабляло поток в города. В 1897 г. в основных районах земледельческой колонизации проживали 5 млн уроженцев других губерний, из которых 3,8 млн – в сельской местности (14% сельского населения этих районов) [Вишневский 2010].

Эмиграция за океан

Массовые переселения не представляют специфическую особенность только российского народа. Выходцы из западноевропейских стран (Ирландии, Италии, Швеции, Франции, Великобритании и т.д.) также участвовали в масштабных переселенческих процессах. Главное отличие колонизационного движения в Западной Европе было в том, что оно носило форму эмиграции – выезда населения за пределы территории стран, особенно в Северную и Южную Америку, Австралию, Южную Африку и т.д. Выезд происходил как в совершенно другие страны, так и в территориально отдаленные и мало связанные с метрополиями колонии, во многих случаях стремившиеся к независимости. Россия же обладала огромными и довольно слабо заселенными пространствами в азиатской части в пределах единой страны. Активная колонизация этих пространств лишь усиливала закрепленность этих территорий в составе России [Кауфман 1905].

До середины XIX в. случаи эмиграции из России были довольно редкими. В дальнейшем они участились, но главным образом по политическим мотивам. Тем не менее число прибывающих в страну неизменно превышало число ее покидающих. И только в периоды, близкие по времени к крестьянским реформам 1860-х гг., эмиграция из России стала довольно массовым явлением.

Исследователи выделяют 4 типологических группы эмиграции: трудовая (или экономическая), религиозная (духоборы, молокане, старообрядцы и др.), еврейская и политическая (в т.ч. революционная). Наиболее масштабными были именно трудовые миграции. Так, за 1851–1915 гг. Россию покинули 4,5 млн чел., в основном это были крестьяне, ремесленники и чернорабочие. При этом значительная часть эмигрантов были иностранцами – в основном выходцами из Германии (более 1,4 млн чел.), Персии (850 тыс.) Австро-Венгрии (800 тыс.) и Турции (400 тыс. чел.).

Во всех группах преобладала эмиграция за океан, главным образом в США и Канаду, кроме политической эмиграции, где основной поток был направлен в Европу. Так, перепись США 1910 г. зафиксировала 838 тыс. евреев, 418 тыс. поляков, 137 тыс. литовцев, 121 тыс. немцев и всего 40,5 тыс. русских, родившихся в Российской империи [Полян 2005]. С установлением советского государства международные миграции в России на длительное время полностью прекратились.

Отхожие промыслы и переселение в города

Отхожими промыслами называли временную, в т.ч. сезонную, работу крестьян вдали от родного села или деревни. Отход имел разные формы. Н.В. Шаховской разделил отход крестьян на две большие группы: а) сельскохозяйственный; б) не имеющий непосредственной связи с сельским хозяйством (неземледельческий). В составе неzemледельческого отхода он выделил 4 группы – фабричный, городской, деревенский (ремесленный) и так называемый черный отход (самые низшие и тяжелые работы, требующие только физической силы) [Шаховской 1903]. Неземледельческие переселения и отход были направлены из отсталых аграрных районов в индустриальные, в которых капиталистические отношения были наиболее развиты [Тихонов 1978].

Точную численность отходников определить затруднительно, тем не менее, по

данным земско-статистических исследований, в пределах европейских губерний России в 1880-х гг. в отхожих промыслах участвовали не менее 5 млн чел. ежегодно. По данным А.Г. Вишневого, в последнее десятилетие XIX в. в отходе участвовало 16–17% сельского населения Европейской России в рабочем возрасте (то есть, около 10 млн чел.) [Вишневский 2010]. В некоторых центральных губерниях (Московской, Смоленской) отходников было свыше 40% мужского населения. В Воронежской губернии в отхожие промыслы уходило до 2/3 всего рабочего населения.

Отходничество играло двойную роль. Оно способствовало переселению крестьян в города, причем значительная их часть полностью порывали с сельской жизнью и становились городскими жителями. Другая часть оставались полукрестьянами-полугорожанами, имеющими городские заработки, но при этом продолжающие обрабатывать свои земельные наделы. Первоначально отходники могли замедлять процесс урбанизации, а затем, полностью порвав с селом, массово становиться настоящими горожанами. По сведениям переписи 1897 г., 47% городских жителей империи (без Польши и Финляндии) и 48% горожан европейской части России были не местными уроженцами, по большей части вчерашними жителями сел и деревень. При этом часть из них были сельскими жителями, отходниками. Кроме этого, к неземледельческим переселениям относились и переселения во внегородские индустриальные и торгово-промышленные центры.

По данным А.Г. Рашина, с 1867 по 1913 гг. городское население Российской империи выросло более чем в 3 раза – с 7,4 млн до 23,3 млн чел.¹ Если же брать Россию в современных границах (на 1 января 2013 г.), то с 1897 по 2010 гг. население страны увеличилось на 75,4 млн чел. (в 2 раза), а городское – на 85,2 (в 5 раз). Увеличение численности горожан произошло за счет деревни – сельское население за это время сократилось в 1,5 раза. К моменту первой переписи сельское население составляло 85%, с конца 1980-х гг. показатель устойчиво держится на уровне 26–27% всех жителей страны.

При этом в начале XX в. рост городского населения был намного меньше сельского: с 1897 по 1914 г. сельское население увеличилось на 16,6 млн чел., а городское – на 5,8 млн чел., но в относительном выражении рост городского населения был весьма значительным – в 1,5 раза. С 1914 по 1926 г. из-за Первой мировой войны, революции и последующей Гражданской войны рост городского населения, как и сельского, остановился. А в период с 1920-х по конец 1980-х гг. отмечался почти постоянный рост городского населения. В 1958 г. в России зафиксирован так называемый урбанизационный переход, при котором доля городского населения превысила 50% [Нефедова и др. 2001].

Несмотря на то что в истории России важную роль играли колонизация и освоение новых территорий, именно на рубеже XIX–XX вв. данные процессы носили совершенно иной характер – не экспансии, не закрепления территорий в составе государства, а прежде всего преодоления последствий стремительно нарастающего аграрного перенаселения в европейской части империи. В первую очередь были заселены наиболее благоприятные территории причерноморских и приазовских степей, Поволжья, Урала и равнинного Северного Кавказа, но после исчерпания этих территорий массовые крестьянские переселения затронули земли за Уралом, где были довольно тяжелые природно-климатические условия. Колонизация происходила сложно – не все переселенцы выдерживали тяготы пути, и часть из них умирали еще в дороге, часто происходили конфликты с давно переселившимися старожилами. До трети переселенцев, потратив последние средства, возвращались обратно. Другим выходом был отход, прежде всего в города. Исследователи тех времен называли Санкт-Петербург и Москву крестьянскими городами, т.к. абсолютное большинство жителей столиц были вчерашними крестьянами. И это при том, что основной вал переселений в города был еще впереди. Последствия переселений ощущались и в местах выхода отходников. Н.Д. Жбанков назвал свою книгу «Бабыя сторона», подчеркивая, насколько сильным был гендерный дисбаланс. Рушились

¹ Рашин А.Г. 1956. *Население России за 100 лет*. М.: Госстатиздат.

семьи, отходники заводили новых жен в городах, дети годами не видели своих отцов. Тем не менее данные миграции, пусть и частично, стравливали все нарастающее демографическое давление – население нашло способ хоть как-то адаптироваться к новым условиям.

Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Список литературы

- Вишневский А.Г. 1973. Демографическая революция. – *Вопросы философии*. № 2.
- Вишневский А.Г. 2010. *Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР*. М.: ИД ГУ-ВШЭ. 432 с.
- Кауфман А.А. 1905. *Переселение и колонизация*. СПб.: Общественная польза.
- Мануйлов А.А. 1905. *Поземельный вопрос в России. Малоземелье, дополнительный надел и аренда*. М. 106 с.
- Моисеенко В.М. 2008. *Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX – начале XX столетия*. М.: ТЕИС. 272 с.
- Нефедова Т.Г., Полян П.М., Трейвиш А.И. 2001. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: монографический сборник*. М.: ОГИ.
- Полян П.М. 2005. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию. – *Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции* (под ред. О. Глезер, П. Поляна). М.: ОГИ. С. 493-519.
- Тихонов Б.В. 1978. *Переселения в России во второй половине XIX века (по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики)*. М.: Наука. 215 с.
- Шаховской Н.В. 1903. *Земледельческий отход крестьян*. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума.
- Anderson B.A. 1980. *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton.

ABYLKALIKOV Salavat Irgalievich, postgraduate student, Junior Researcher of the Institute of Demography, National Research University – Higher School of Economics (Myasnitskaya st, 20, Moscow, Russia, 101000; sabykcalikov@yandex.ru)

RESETTLEMENT PROCESSES IN RUSSIA IN THE 19TH–20TH CENTURIES

Abstract. Rapidly increasing population of the post-reform Russia, which mainly consists of the peasants engaged in the extensive farming, caused a large-scale agrarian crisis in the European part of the country. Three main streams can reduce demographic pressure: colonization of the underdeveloped land on the periphery of the country; seasonal works (otkhodnichestvo) and migration to cities, which also started from the seasonal work.

Keywords: colonization, migration, resettlement, demographic transition